

РУССКИЙ МИР

О национальной идее для России

Э. Ф. МАКАРЕВИЧ, О. И. КАРПУХИН

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье анализируется понятие «русский Ренессанс», значение творчества А. С. Пушкина для утверждения идей Ренессанса на почве русской культуры и возможности духовного возрождения в современной российской действительности.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Ренессанс, русская культура, русские, Россия, духовная культура, национальная идея.

ПУШКИН И РУССКИЙ РЕНЕССАНС

Сама постановка проблемы «русский Ренессанс» всегда неоднозначно воспринималась отечественным научным сообществом. Тем не менее вполне правомерно рассматривать вопросы возникновения и развития идей Ренессанса в русской культуре сегодня в условиях глобализирующегося мира, политической и культурной экспансии американизирующегося Запада.

Обращаясь к традициям западноевропейского Возрождения в развитии культуры России в первой трети XIX в., прежде всего необходимо обратить внимание на титанизм поэтической личности А. С. Пушкина, имея в виду гуманистическую направленность его творчества и ставя его в один ряд с колоссами эпохи Ренессанса.

Общезвестно, что в отличие от итальянского Ренессанса в России не было Возрождения как самостоятельной и целостной культурной эпохи. Но не было также подобных эпох по своей законченности и масштабу влияния в странах Западной и Восточной Европы. Применимо к этим странам, включая Россию, можно говорить лишь об особенностях развития их культуры на отдельных стадиях своего развития, в контексте общих типологических

черт (рост национального самосознания, антропоцентризм, универсализм, гуманизм, титанизм, становление национального типа личности, формирование национальных языков и художественных стилей). Культура Италии эпохи Возрождения стала для Западной и Восточной Европы культурой-донором, породив мощное стадийное развитие культур-реципиентов сопредельных государств, в числе которых и Россия. Культуры этих стран испытали мощное влияние итальянского Ренессанса и породили своих национальных титанов, таких как в Германии — Гете, в Англии — Шекспира, во Франции — Рабле, в Испании — Сервантеса, в России — Пушкина.

Общепринятым является мнение, что в культуре России не было периода гуманизма с его представлением о человеке, основывающимся на новом типе мировоззрения, на антропоцентристской картине мира. Страна якобы шагнула прямо из Средневековья в век Просвещения, минуя гуманизм.

Здесь надо иметь в виду, что в России значительно дольше, чем в Западной Европе, шло угасание «средневекового мира». Но в этом процессе именно фермент культуры стал мощной цивилизационной «закваской». Эту осо-

бенность подметил еще В. Ключевский. Говоря о культурном значении наследия Преподобного Сергия Радонежского, он отмечал, что нравственное влияние таких, как Сергей, «украдкой западая в массы, вызывало брожение, незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души». Экономическому и политическому возрождению народа всегда должно предшествовать духовное, нравственное — таков вывод историка (Ключевский, 2006).

Кроме того, надо учитывать и то, что после христианизации Руси ее культура формировалась под воздействием не только византийских, но и «туранских» влияний, в том числе в рамках сложных процессов взаимоотношений Орды и русских княжеств. Несомненно, велика была роль и западноевропейских влияний на культурные процессы средневековой Руси. Между тем именно столь сложный и разнородный характер культурных скрещений обусловил самобытность, уникальность и мощь русской культуры до такой степени, что в мировой науке — от А. Тойнби до С. Хантингтона — все увереннее говорят о русской (или славяно-православной) цивилизации как одной из восьми самых значительных мировых цивилизаций — в частности, наряду с западной (евро-американской) и исламской.

Казалось бы, о каком европейском Возрождении в России можно говорить, если духовная жизнь народа развивалась в контексте норм и образцов допетровского традиционного общества, если ему были чужды новые прозападные ценности?

Однако Н. Бердяев подчеркивал особенность русских, проявляющуюся в том, что они в своем творческом порыве ищут совершенной жизни. Даже русский романтизм стремился не к отрешенности, а к лучшей действительности. Русские искали в западной мысли прежде всего сил для изменения и преображения собственной неприглядной действительности, искали прежде всего ухода из настоящего. Они находили эти силы в немецкой философской и французской социальной мысли.

Возникла ситуация трагического для всего последующего исторического развития Рос-

сии разрыва культур — народной культуры и культуры образованного класса. «Народ, принадлежавший к иному типу культуры, увидел в университетской интеллигенции что-то ложное, нечто себе чуждое и даже враждебное», — характеризует ситуацию Д. Лихачев противостояние культур на рубеже XIX–XX вв. (Лихачев, 1988). Так возник вопрос культуры простого народа, культуры «безмолвствующего большинства», отесненного от книги и письменной фиксации своих идей, «побуждений и чувств» (Гуревич, 1990).

Поднять культуру «безмолвствующего большинства» до высот европейского Возрождения можно было только благодаря росту национального самосознания, благодаря чему мог появиться интерес к человеческой личности. И тут наступает эпоха русского универсализма, ренессансная эпоха, по Бердяеву.

Постановка проблемы русского Ренессанса только на первый взгляд парадоксальна. Ученые отказывают России в эпохе Возрождения. По их мнению, русская культура якобы свершила скачок от Средневековья сразу к Новому времени, которое, считают они, ориентировано на западноевропейскую традиционную схему развития: классицизм, просветительский реализм, сентиментализм, романтизм, критический реализм.

Европейский гуманизм с его новым видением человека, стал утверждаться в России только с середины XVIII в. в русле мощных просветительских тенденций, которые охватили тогда всю Европу. В этом своеобразии «русского гуманизма», что до сих пор вызывает в научном сообществе противоречивые суждения.

По мнению Бердяева, если в России и была хоть какая-то вспышка Ренессанса, то это было исключительно творчество Пушкина. «Нам не дано было пережить радость гуманизма, у нас, русских, никогда не было настоящего пафоса гуманизма, мы не познали радости свободной игры творческих избыточных сил. Вся великая русская литература, величайшее наше создание, которым мы можем гордиться перед Западом, не ренессансная по своему духу» (Бердяев, 1990: 143).

Драма маленького человека, сострадание к униженным и оскорбленным, народопоклонство — все то, что отличало русскую литературу от других, по мнению Бердяева, не является темами классического гуманизма с его жизнеутверждающим оптимизмом и возвышением человека до уровня Бога. Гуманизм радуется жизни во всех ее проявлениях, исполнен сознания дарованного человеку совершенства, русская литература плачет и скорбит по поводу несовершенства мира. «Русская литература XIX века... была не пушкинская. Мы творили от горя и страдания; в основе нашей великой литературы лежала великая скорбь, жажда искупления грехов мира и спасения. Никогда не было у нас радости избыточного творчества... Творчество Гоголя, Достоевского, Толстого в этом смысле не гуманистическое и не ренессансное. Наше государство, философия, мораль, вся наша национальная судьба противостоит «радостному духу ренессанса и гуманизма»» (там же). И в этом Бердяев видит не недостаток, а великое преимущество России перед Западом.

Об этом же говорит и другой русский философ С. Булгаков. По его твердому убеждению, гуманизм, начав с освобождения в человеке человеческого начала, до того заглушаемого верой в потустороннее начало, в конечном счете, порвал вообще с верой, обернулся антихристианским гуманизмом и атеизмом, что привело, в конечном итоге, к созданию царства духовной буржуазности, культурного мещанства (Булгаков, 1993: 281–219). И здесь снова Бердяев со своим тезисом о появлении буржуазного общества, как конца ренессанса, как кризиса гуманизма, с которыми приходит и конец человеческой истории в ее земном воплощении.

А можно ли так категорично говорить о «конце Возрождения», тем более о «конце человеческой истории», имея в виду то колоссальное влияние, которое Ренессанс оказывал и оказывает на ход развития мировых культур? Подобные эпохи по своему влиянию на развитие человечества имеют вневременной характер, они по сути своей универсальны.

Русская литература, погруженная в контекст остросоциальных и духовных проблем, по сути своей всегда была антибуржуазной.

Исполненная «элеющей душу гуманностью» (В. Белинский), она органически впитала в себя лучшие традиции Возрождения и, прежде всего, представление о человеке как основополагающей субстанции, в которой ищут и по сей день ответы на все поставленные вопросы. В этом, считает наш современник В. Межуев, и состояло главное открытие гуманизма, получившее название «открытие человека» (Межуев, 2006: 49).

Проблема ренессанса в России нашла лучшее решение в русской литературе. Бердяев одним из первых обратил свое внимание на то, что именно Пушкин был величайшим явлением русской творческой гениальности первой трети века, создателем русского языка и русской литературы. Наиболее изумительной чертой Пушкина, определившей характер века, был его универсализм, его всемирная отзывчивость.

По мнению Бердяева, хотя Пушкин и его творчество стоят особняком от русских писателей и их произведений, тем не менее именно он дал почву для произрастания в будущем таких колоссов, как Н. Гоголь, М. Лермонтов, Л. Толстой и Ф. Достоевский. При этом Бердяев настойчиво проводит мысль о том, что Пушкин — единственный русский писатель ренессансного типа, который свидетельствует о том, как всякий народ значительной судьбы есть целый космос и потенциально заключает в себе все. Бердяев объясняет отличие Пушкина от последующей плеяды писателей тем, что тот утверждал творчество человека, свободу творчества, в то время как на другом полюсе в праве творчества усомнятся Н. Гоголь, Л. Толстой и другие. Но основной русской темой будет не творчество совершенной культуры, а творчество лучшей жизни (Бердяев, 1990).

Большинство исследователей, говоря о реализме критическом, якобы имеющем место в России первой трети XIX в., не могли обозначить принципиальной сущности этого явления и зачастую механически переносили черты западного критического реализма на русскую культурную почву.

В. Кожин, один из немногих, пришел к выводу, что под критическим реализмом в России, в сущности, подразумевали иной реал-

лизм — ренессансный. Он пишет: «Время с конца XVIII в. до второй трети XIX в. было эпохой становления и развития ренессансного реализма, венцом которого явилось творчество Пушкина и молодого Гоголя. Ни о каком критическом реализме здесь не может быть и речи» (Кожин, 1991: 439).

В этом случае и пушкинский «Евгений Онегин», и более поздние пушкинские произведения не могут быть отнесены к критическому реализму, как не имеют к нему отношения и знаменитые гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки». Доказательства тому Кожин видит в классических критериях эпохи Возрождения, исходя из которых Ренессанс делится на классический (корни его уходят в Античность), каковым выступает итальянский Ренессанс, и — Ренессанс других народов, не имеющий наследия Античности.

Ученые, специализирующиеся на изучении сущностных черт эпохи Возрождения, всегда выделяли антропоцентризм, т. е. признание человека как центра мироздания. Это абсолютизирование человеческой личности и есть то новое, что несет эпоха Возрождения человечеству.

Сущностной чертой эпохи Ренессанса было и воссоздание в иной языковой материи высоко развитых художественных стилей других литератур, в результате чего и появился зрелый национальный художественный стиль, а значит, и — национальный литературный язык. Таково принципиальное отличие эпохи Возрождения от других культурных эпох и направлений, и если признать, что в России в начале XVIII в. еще не существовало этапа становления нации, а соответственно — личности, отсутствовал зрелый художественный стиль и национальный литературный язык, то просто удивительно, откуда вдруг стало развиваться в конце XVIII — начале XIX в. стилевое многообразие.

Кожин обратил внимание на то, что типологической чертой русской литературы первой трети XIX в. явилось «равновесие», т. е. относительное единство нации, личности и государства, и что эта черта родственна западноевропейской литературе эпохи Возрождения. Только после восстания декабри-

тов, подчеркивал он, обнаружилась действительная непримиримость личности и государства, в связи с чем русская культура начала стремительно «отделяться» от государства и к 40-м годам XIX в. преуспела в этом.

Только после того, как личность осознает самое себя, когда бесконечная сущность человечества как некоего социального организма найдет выражение в своем индивидуальном проявлении, станет возможным ее дальнейшее развитие. Именно поэтому важны для человеческой культуры завоевания эпохи Возрождения.

Именно в Александровскую эпоху в России наиболее рельефно проявляются ренессансные, «личностные» черты русской культуры. Этому в значительной степени способствовала война 1812 г., победа в ней России. Появилась новая плеяда молодых людей, увидевших свое Отечество в сравнении с Европой и стремившихся видеть Россию иной — европеизированной. Стремление к европеизации предполагало во всех областях общественной жизни появления ярко выраженного индивидуального, личностного начала. Свободный, внутренне раскрепощенный человек — творец, — именно такой тип личности был особенно востребован русским общественным сознанием, найдя свое воплощение во многих произведениях деятелей русской культуры первой трети XIX в. И прежде всего в творчестве А. С. Пушкина, в художественном мире которого появился новый, в основе своей ренессансный тип художественного сознания. В то же время его «европеизм» произрастал изнутри национального пласта русской духовности.

Освоение Россией принципов и гуманистических идеалов Возрождения протекало на фоне активного изучения опыта культур эпохи Просвещения, романтизма, классицизма и т. д. Все это не могло пройти бесследно для Пушкина, поэтому в его творчестве по-новому засверкали такие вечные, казалось бы, неизблемые ценности, как Любовь, Дружба, Красота. Вслед за Державиным и Жуковским Пушкин возводит их на новые высоты художественного осмысления, создавая русский литературный язык, национальный художественный стиль.

Радость бурлящей жизни, уверенность в способности человека изменить мир к лучшему — все это звучит в пушкинском творчестве, пробуждая в душе русского человека чувство собственного достоинства, обусловленного верой в свой народ, в собственные силы. Поэтический дар Пушкина вселял в сознание русского человека такие основополагающие ценности, как Свобода, Творчество, Счастье. Разве это не мощный смысл современного развития России?

Отличный знаток итальянского Ренессанса Р. Хлодовский заметил, что только осознание себя частицей национальной целостности позволило человеку эпохи Возрождения преодолеть корпоративное сознание. Рассматривая русскую культуру первой трети XIX в. с этих позиций, можно в полной мере осознать ее ренессансную природу. И тогда Пушкин представляется своеобразным титаном русского Возрождения.

Острый вопрос для россиян: является ли Пушкин «национальным поэтом в смысле всемирного», как обычно называют Шекспира, Гете, Гомера, либо — нет?

Действительно, имя Пушкина все чаще становится в один ряд с Шекспиром, Гете и другими деятелями западноевропейского Возрождения. Но как сказал в свое время Д. Мережковский, «Пушкина Россия сделала величайшим из русских людей, но не вынесла на мировую высоту, не отвоевала ему места рядом с Гете, Шекспиром, Данте, Гомером» (Мережковский, 1990: 96).

Выходит, что художественные деятели эпохи Возрождения являлись выразителями идеалов своего народа, ибо их величие обусловлено величием народа, и наоборот. Если Россия не вынесла на мировую арену своего гения, то означает ли это отказ в праве народа России встать в один ряд с народами Европы, подарившими миру титанов духа?

Исследователи не раз отмечали «огромность» души Пушкина. «Если стихи его подбирать как документы, то с одинаковым правом вы можете утверждать, что Пушкин был и истинный христианин, и грубый язычник, и народолюбимец, и противник народа, и человек целомудренный, и циничный грешник, и враг

насилия, и сторонник его» (там же). Но если расценивать Россию как симбиоз народов, верований, религий, то сама Русь была еще более многообразной, чем душа Пушкина. Он, как выразитель чаяний, идеалов своего народа, не мог быть одномерным в своей духовной сущности в период становления нации. Отсюда его «Подражания Корану», «Отцы — пустынноики и жены непорочны» и «Египетские ночи», и «Песни западных славян» как следствие тяги к постижению миров и мусульманского, и древнего языческого, и христианского.

Но титанизм Пушкина наиболее полно проявился в выражении общего миропредставления и общего образа жизни русского народа. Пушкин описывает своих героев как бы изнутри, раскрывает их внутреннюю жизнь так, как ее опознает сам описываемый тип. В этом отношении Пушкин превосходит других гениальных писателей, например Шиллера и даже Шекспира, у которых большинство героев являются воплощением одной какой-нибудь страсти.

Внутренний мир Пушкина не был ни одномерным, ни двуплановым. Он был многомерным, многопланово-универсальным. Этим качеством наделены были титаны Возрождения — Шекспир, Рабле, Сервантес и другие. И это не случайно: их внутренний мир вобрал в себя все многообразие нации. Так и духовная жизнь Пушкина вобрала в себя все величие своей нации. Его личность была столь многомерной, насколько многогранной была жизнь его народа.

Пушкин интересен многим, если не всем, в силу широты диапазона его личности. Его знаменитая многоплановость: от меланхолии, уныния, тоски — до яркого жизнелюбия и сделала его поэзию необходимой людям, так как они находили в ней ответы на вопросы, относящиеся к познанию самих себя.

Загадочность натуры Пушкина можно объяснить тем, что он, по сути, является художественным деятелем русского Возрождения, а не только выразителем какого-то одного литературного направления. Трагедия титанов западноевропейского Возрождения состояла в том, что им некуда было идти, они были са-

модостаточны, представляя собой абсолюты, и жизнь каждого из них поэтому была по-своему драматичной.

Говоря словами Мережковского, «пуля Дантеса только довершила то, к чему постепенно и неминуемо вела Пушкина русская действительность. Он погиб, потому что ему некуда было дальше идти, некуда расти. Во всяком случае, преждевременная гибель — только последнее звено роковой цепи, начало которой надо искать глубже, в первой молодости поэта. Смерть Пушкина — не простая случайность. Драма с женой, очаровательной Натали... ее милыми родственниками — не что иное, как в усиленном виде драма всей его жизни: борьба гения с варварским отечеством» (там же).

Пушкин был поэтом-патриотом, по убеждениям — государственным. Он всегда поддерживал Николая I, считая его единственным легитимным царем. В то же время с Пушкина в русской культуре начинается качественно новый этап во взаимоотношении творца и властелина, поэта и народа. Неоднократно подчеркивая, что поэзия «не имеет никаких целей, кроме самой себя», что «истинный талант доверяет более своему суждению», Пушкин в 1830 г. находит этим мыслям поэтическую формулу:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной,
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд,
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.

Пушкин утверждает суверенность своего поэтического сознания не только перед властью имущими, но и перед своими читателями. Нет большей для него власти, чем собственный суд, поскольку «самостоянье» человека и тем более творца — залог величия его». Ведь, как удачно сказал Бердяев: Пушкин творил «от радостного творческого избытка», тогда как последующие русские писатели станут творить «от жажды спасенья народа».

Действительно, и Лермонтов, и Гоголь, заявившие о себе в начале 1830-х годов, содержанием пафосом своего творчества, самой

его философией, литературной направленностью резко отличаются от Пушкина.

Лермонтов, замкнувшись в своем гордом одиночестве, создает прецедент двоемирия, живя одновременно в мире реальном и идеальном. Свобода, по Лермонтову, питает глубоко индивидуалистическую личность, выросшую из Ренессанса, но уже не имеющую с ним ничего общего. Лермонтов увел думающую элиту русского общества в область внутреннего мира человека.

Гоголь в это время смотрит на мир с высоты пушкинского обзора и видит его несовершенство в том, что общество ограничивает свободу личности вплоть до ее уничтожения («Шинель», «Записки сумасшедшего»). И Гоголь ставит проблему взаимоотношения личности и общества.

Нам неизвестен период, когда именно произошло становление личности русского человека. По мнению В. Ключевского, еще в конце XVIII в. не было никаких оснований говорить о феномене Личности применительно к россиянину. Феномен этот еще просто не сложился. В России в течение XVIII в. новейшие западные идеи усваивались без размышления и отрывали «усвоившие их умы от окружающей их действительности, не имевшей ничего общего с этими идеями», так как «старик жили понятиями и знаниями, крепко вбитыми петровской реформой либо наскоро схваченными в общеобразовательной школе приемника преобразователя. В головах помоложе начали бродить вольнодумные рационалистические и моралистические идеи, воспринятые от гувернера или кадетского учителя, либо вычитанные из французской книжки. Эти бродячие идеи и получили особенно важное значение: они не только бродили, но и производили брожение, благодаря которому хаотическая смесь понятий, чувств и привычек, столпившихся в русских умах, начала разделяться и кристаллизироваться, складываясь в определенные взгляды и убеждения. Тогда силуэтные очертания, туманные образы без лиц стали превращаться в физиономии с определенными и понятными чертами, из нравов стали вырабатываться характеры» (Ключевский, 1983: 111).

Европейский гуманизм с его новым видением человека стал утверждаться в России только с середины XVIII в. в русле мощных просветительских тенденций, которые охватили тогда всю Европу. В этом своеобразии «русского гуманизма», что до сих пор вызывает в научном сообществе противоречивые суждения.

Пушкин глубоко чувствовал свой народ, его душу, его историю, его миф, его государственный инстинкт. И при всем том он обладал той вдохновенной свободой души, которая умеет искать новые пути, не считаясь с запретами и препонами, которая иногда превращала его по внешней видимости в «беззаконную комету в кругу расчисленном светил», но которая по существу подобала его гению и была необходима его пророческому призванию.

А призвание его состояло в том, чтобы принять душу русского человека во всей ее глубине, во всем ее объеме и оформить, прекрасно оформить ее образ, а вместе с нею — и образ России. По словам И. Ильина, таково было великое задание Пушкина: принять русскую душу во всех ее исторически и национально сложившихся противоречиях и страстях; найти, выносить, выстрадать, осуществить и показать всей России — достойный ее творческий путь, преодолевающий эти трудности, развязывающий эти узлы, вдохновенно облагораживающий и оформляющий эти страсти (Ильин, 1990).

Понимание Пушкина, как творца русского Ренессанса, рождает мощный смысл для гуманитарного сопротивления, относящийся к сущности русской души — суверенность создающей личности, способной выстрадать и преодолеть сложившиеся противоречия, облагородить мирские страсти. Так открываются новые возможности для создания образа русского человека и образа России.

РУССКИЙ РЕНЕССАНС И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Говоря о том, что страна должна иметь цивилизационный проект, несущий яркую национальную идею, обратимся к Пушкину — творцу русского Ренессанса. Потому что идея

русского Ренессанса все та же, из эпохи Возрождения, — это прогресс человека. И достижение Пушкина в том, что он соединил этот прогресс с национальным характером и национальной историей. Лучше всего об этом достижении сказал Н. В. Гоголь: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» (Гоголь, 1981: 241).

Подчеркнем же особенности русского человека в его развитии, оглядываясь на Пушкина и Гоголя, вспоминая образы, явленные нам литературой и искусством. Это: влияние русской природы (размах, масштабность, контрасты разнообразия), русская душа (всемирная отзывчивость), русский язык, свойственный характеру русского человека (мелодичный, мягкий, сочный, легко принимающий и интегрирующий слова и выражения языков других народов), русский характер, выявленный русской литературой, в котором энергия жизни, свободолюбие, желание справедливости, самостоятельность, стойкость, непосредственность, доброта и терпение, и как следствие — неизжитые леность, беспечность, инерционность.

Говоря о Пушкине, Гоголь представляет нам, потомкам, концепцию личности, которую создал Пушкин, которую он воплотил в своем творчестве, которую устремил в будущее. Она идет от мыслителей и выдающихся художников эпохи Возрождения, провозгласивших человека центром мироздания, — к пушкинскому видению человека, в основе которого творческая свобода, по утверждению все того же Бердяева.

Склонив головы перед Пушкиным, великие русские писатели в своем слове о нем раскрыли, что такое творческая свобода человека в пушкинском понимании.

И. С. Тургенев: «В поэте, как в полном выразителе народной сути, сливаются два основных ее начала: начало *восприимчивости* и на-

чало самостоятельности... У нас же, русских, позднее других вступивших в круг европейской семьи, оба этих начала получают особую окраску; восприимчивость у нас является двойственной: и на собственную жизнь, и на жизнь других западных народов со всеми ее богатствами — и подчас горькими для нас плодами; а самостоятельность наша получает тоже какую-то особенную, неравномерную, порывистую, иногда зато гениальную силу: ей приходится бороться и с чуждым усложнением, и с собственными противоречиями. Вспомните, мм. гг., Петра Великого, натура которого как-то родственна натуре самого Пушкина. Недаром же он питал к нему особенное чувство любовного благоговения!» (Тургенев, 1981: 246).

Восприимчивость в тургеневской интерпретации — это ведь частица всемирной отзывчивости, восприятие опыта других народов. Однажды Ленин предельно откровенно и прагматично выразился на эту тему, когда говорил о социализме: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = E = социализм» (Ленин, 1969: 550).

А самостоятельность русского человека — это не слепое копирование, подчинение иному опыту, а творческое освоение его, цивилизационный прорыв, пусть с издержками, жертвами, но это свой путь и новое качество русской цивилизации, путь, сокращающий разрыв с европейской цивилизацией, самостоятельный путь гениальной силы, проложенный Петром Великим, натура которого так родственна Пушкину, благоговевшему перед личностью Петра. Петр явил материальный ренессанс, Пушкин — духовный.

При Петре Великом империя стала обретать черты русской цивилизации, потому что открыла сущностные силы русского человека, дала простор и стимул творчеству его. И как здесь опять не вспомнить слова Гоголя: «Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до этого характер народа большею частью был бесцветен, разнообразие страстей ему мало было известно» (Гоголь,

1981: 243). Выходит, империя как цивилизация дает и задает простор творчеству русского человека? Империя дает и задает энергетику движения человеку, энергетикой и волей имперской преодолевая лень и инерционность характера русского.

И еще Тургенев: Пушкину пришлось исполнить две работы: «установить язык и создать литературу». «А такие образы, как Пимен, как главные фигуры «Капитанской дочки», не служат ли они доказательством, что и прошедшее жило в нем такую же жизнь, как и настоящее, как и предсознанное им будущее?» (Тургенев, 1981: 249). Будем надеяться, что всякий наш потомок «докажет, что он, подобно Пушкину, стал более русским и более образованным, более свободным человеком!» (там же: 253).

Это и есть имперский прогресс личности: стать более русским, более образованным, более свободным. Более русским, значит, верным родине; более образованным, значит, постоянно приумножающим знания свои во имя творческих дел; более свободным, значит, более образованным и способным к социальному, научному и духовному творчеству.

Ф. М. Достоевский: «Все это, конечно, фантастично, но «гордый-то человек» реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить... Тут уже подсказывается русское решение вопроса, «проклятого вопроса», по народной вере и правде: «Смирись, гордый человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму. «Не вне тебя правда, а в тебе самом, найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконец, народ свой и святую правду его» (Достоевский, 1981: 256).

Да, стилистика Федора Михайловича проповедническая. Потому по духу ренессансная, высветляющая особенность национальной

идеи для России. Вслушаемся: «Не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такою непоколебимой силой... наша вера в нашу русскую самостоятельность... а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов» (там же: 262). Вот и Достоевский, как и Тургенев, говорит о самостоятельности русского человека, о самодеятельности его.

Каким же видит Ф. М. Достоевский самостоятельное назначение наше в европейской семье?

«В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспир, Сервантес, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин» (там же). И далее: «Мы не враждебно... а дружественно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите» (там же: 264).

Если назначение русского человека всеевропейское и всемирное, в трактовке Пушкина Достоевским, значит, удел этого человека, обратившегося благодаря Пушкину к ценностям эпохи европейского Ренессанса, и принявшего в душу свою гениев чужих наций, — стремиться к творческой свободе, к творческим прорывам в условиях нового мира.

Вслушаемся в Достоевского: «Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и брат-

ского стремления нашего к воссоединению людей» (там же). Вот в этом и есть суть русской империи как возбуждение национально-го характера.

Творческая свобода человека, как видел ее Пушкин, понимал ее и прогнозировал ее, определялась восприимчивостью человека к болям и бедам, самодеятельностью его. Творческая свобода заключалась в победе над собой, в собственном труде над собою, в непрерывном образовании, во всемирной отзывчивости. В этом прогресс личности.

Такое понимание творческой свободы органично ожидаемой идее российского цивилизационного проекта. Национальная идея как прогресс человека, условием которого является свобода и социальная справедливость. Если либерализм и неолиберализм останавливаются на свободе человека, то общественный прогресс предполагает использование свободы и демократии для прогресса человека. Общественному прогрессу, движимому ценностями европейского Ренессанса, совершенно не чужда формулировка К. Маркса и Ф. Энгельса: «...свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (Маркс, Энгельс, 1983: 127).

Прогресс личности как свободное развитие ее подразумевает личность каждую, а не только личность, принадлежащую к определенной социальной группе. По сути, прогресс личности должен вести к прогрессу народа. Либерализм спотыкается на этом, но логика общественного прогресса с трудом, но исправляет заблуждения либералов.

Если принять за идею цивилизационного проекта прогресс человека, то, обращаясь к стандартам и рейтингам, составляющим основу современных управленческих технологий, можно задать ориентиры развития людей, развивающие страну. И попытаться определить стандарты и рейтинги для таких ключевых характеристик прогресса, как верность родине в условиях глобального мира; вовлеченность личности в прогресс, в модернизацию страны; образованность, самодеятельность и самостоятельность личности; творческая свобода каждой личности как свобода созидания для всех.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердяев, Н. А. (1990) Смысл истории. М. : Мысль.

Булгаков, С. Н. (1993) Сочинения : в 2 т. Избранные статьи. М. : Наука.

Гоголь, Н. В. (1981) Несколько слов о Пушкине // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М. : Правда. Т. 10.

Гуревич, А. Я. (1990) Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. № 4. С. 23–35.

Достоевский, Ф. М. (1981) Пушкин. Очерк // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М. : Правда. Т. 10. С. 253–265.

Ильин, И. (1990) Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М. : Книга. С. 526–527.

Ключевский, В. О. (2006) Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства. М.

Ключевский, В. О. (1983) Западное влияние в России после Петра // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М. : Наука. С. 11–112.

Кожин, В. В. (1991) Размышления о русской литературе. М. : Современник.

Ленин, В. И. (1969) Полн. собр. соч. М. Т. 36.

Лихачев, Д. С. (1988) Заметки о русском // Советская культура. 27 августа. С. 3–5.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1983) Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М. Т. 1.

Межуев, В. М. (2006) Идея культуры. Очерки по философии культуры. М. : Прогресс-Традиция.

Мережковский, Д. С. (1990) Пушкин // Пушкин в русской философской критике : Конец XIX — первая половина XX в. М. : Книга. С. 92–160.

Тургенев, И. С. (1981) Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М. : Правда. Т. 10.

ON THE NATIONAL IDEA FOR RUSSIA

E. F. Makarevich, O. I. Karpukhin
(Moscow University for the Humanities)

The article analyzes the concept «Russian Renaissance», the significance of A.S. Pushkin's cre-

ative works for the assertion of the ideas of Renaissance in Russian culture and the possibilities of spiritual renewal in contemporary Russian reality.

Keywords: A. S. Pushkin, Renaissance, Russian culture, Russians, Russia, spiritual culture, national idea.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Berdiaev, N. A. (1990) Smysl istorii. M. : Mysl'.

Bulgakov, S. N. (1993) Sochineniia : v 2 t. Izbrannye stat'i. M. : Nauka.

Gogol', N. V. (1981) Neskol'ko slov o Pushkine // Pushkin A. S. Sobr. soch. : v 10 t. M. : Pravda. T. 10.

Gurevich, A. Ia. (1990) Sotsial'naia istoriia i istoricheskaiia nauka // Voprosy filosofii. № 4. S. 23–35.

Dostoevskii, F. M. (1981) Pushkin. Ocherk // Pushkin A. S. Sobr. soch. : v 10 t. M. : Pravda. T. 10. S. 253–265.

Il'in, I. (1990) Prorocheskoe prizvanie Pushkina // Pushkin v russkoi filosofskoi kritike: Konets XIX — pervaiia polovina XX v. M. : Kniga. S. 526–527.

Kliuchevskii, V. O. (2006) Znachenie Prepodobnogo Sergiia dlia russkogo naroda i gosudarstva. M.

Kliuchevskii, V. O. (1983) Zapadnoe vliianie v Rosii posle Petra // Kliuchevskii V. O. Neopublikovannye proizvedeniia. M. : Nauka. S. 11–112.

Kozhinov, V. V. (1991) Razmyshleniia o russkoi literature. M. : Sovremennik.

Lenin, V. I. (1969) Poln. sobr. soch. M. T. 36.

Likhachev, D. S. (1988) Zametki o russkom // Sovetskaia kul'tura. 27 avgusta. S. 3–5.

Marks, K., Engel's, F. (1983) Manifest Kommunisticheskoi partii // Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniia : v 3 t. M. T. 1.

Mezhuev, V. M. (2006) Ideia kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury. M. : Progress-Traditsiia.

Merezhkovskii, D. S. (1990) Pushkin // Pushkin v russkoi filosofskoi kritike : Konets XIX — pervaiia polovina XX v. M. : Kniga. S. 92–160.

Turgenev, I. S. (1981) Rech' po povodu otkrytiia pamiatnika A. S. Pushkinu v Moskve // Pushkin A. S. Sobr. soch. : v 10 t. M. : Pravda. T. 10.